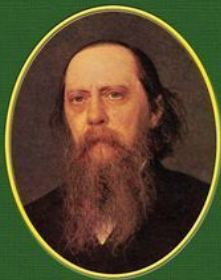

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Недоразумение

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132705

Аннотация

Рецензируемая Салтыковым повесть Данкевича действительно была подчеркнута «очищена» от какой бы то ни было общественной проблематики, все содержание ее ограничено детальной разработкой различных проявлений и оттенков психологии любовного чувства. Действие повести разворачивается в Италии, сюжет ее – сложные отношения двух приятелей – русских, по-видимому, из светской молодежи, и сестер-итальянок. В конце концов выясняется, что герой повести любит не ту из сестер, на которой женится, а приятель любит его жену – в этом и заключается «недоразумение», разрешающееся драматической развязкой.

Содержание

Примечания

10

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Недоразумение

*Повесть в трех частях Данкевича. С.-
Петербург. 1869*

Когда известные формы жизни, несмотря на обветшалость, находят себе искусственную поддержку отчасти в недалёковидном упорстве одних, отчасти же в бессознательности и малодушии других, то из этого возникает множество недоразумений, которые, незаметно вкрадываясь в существование человека, охватывают его со всех сторон. При помощи привычки эти недоразумения не только не поражают заинтересованные в них стороны, но даже кажутся совершенно естественными и находят горячих поборников, которые охотно прибегают к насильственным средствам, чтобы отсрочить их падение. Творческая сила общества как бы иссякает; не общество становится зиждителем своих внутренних распорядков, но, напротив того, являются распорядки совсем готовые, завещанные отсталой мудростью предания, и втягивают в себя всех без исключения членов общества: и дальновидных и недалёковидных, и смелых и робких. В таком положении дела, чем более сознательную жизнь живет человек, тем более горьким делается для него существо-

вание. Нет спора, что сознательность сама по себе представляет большое утешение, и наслаждения, доставляемые ею, могут поддерживать и ободрять человека в борьбе с запутанностями жизни, но, с другой стороны, та же сознательность немало подливает и отравы, раскрывая безвыходность положения, доказывая бесплодность борьбы и большее растравляя и без того наболевшие раны. Обязанность признания разумности неразумного есть одна из самых мучительнейших; она мучительна не только потому, что возмущает совесть человека, но и потому, что, при помощи продолжительной и непрерывно повторяющейся практики, налагает на действия человека печать автоматизма. Встречаясь во всех сферах жизни лишь с бессрочными обязательствами, человек принимает эти обязательства совсем не вследствие сознания их пригодности для его счастья, а только потому, что неприятие их было бы равносильно добровольному самоисключению из жизни. Не так живи, как хочется, или лучше сказать: не так живи, как говорит разум – вот тиранический припев упорно отстаивающей себя искусственности общественных отношений, и когда наконец сама практика приходит разъяснительницею очевидной нелепости ею же наложенных уз, то она приносит не помощь человеку, а, напротив, горшее подтверждение его бессилия и беспомощности. Два выхода возможны в таком положении: или примирение и окончательный автоматизм всех действий, или борьба, истощающая силы и преисполненная всевозможных рисков и опасно-

стей, начиная от мелких придирок и покальваний и кончая перспективой жить в обществе на правах зачумленного.

В особенности богата всякого рода недоразумениями та область общественных отношений, которая определяет взаимное положение мужчины и женщины. Это, впрочем, и понятно, потому что вопрос об этом положении испокон веку считался преобладающим в обществе. Воспитание наше и до сих пор ведется до такой степени односторонне, что не может быть и вопроса о так называемом гармоническом развитии *всех* сил и способностей человека. Весьма естественно, что последствием такой односторонности бывает чрезмерное развитие одной какой-либо склонности на счет всех остальных. Жизнь человека направляется исключительно в одну сторону, поглощается одною страстью, и счастье или несчастье его становится в прямую зависимость от более или менее благоприятного питания этой исключительной страсти. Недаром взаимное влечение мужчины и женщины и доныне, в глазах общества, представляет *страсть по преимуществу*, то есть такую страсть, подробности развития которой всегда возбуждают любопытство и живое участие общества, тогда как различные фазисы, в которых может находиться всякая другая страсть, встречаются в обществе если не полное равнодушие, то участие весьма умеренное. Очевидно, это происходит от того, что господствующие системы воспитания направлены преимущественно на развитие в человеке эстетического чувства и нимало не указывают благо-

творного и безопасного исхода ни для одного из остальных свойств, определяющих человека. Но в то самое время, когда эти остальные свойства глоснут в бездействии, не полагая, таким образом, никакого ограничения господствующей страсти, эта последняя, с своей стороны, подвергается различным искажениям именно вследствие того, что повсюдная ее разлитость привлекла на себя исключительное внимание общества и вызвала такую регламентацию, какой не подвергались никакие другие человеческие отношения, не исключая даже вопроса о власти человека над вещами. По-видимому, однако ж, эта регламентация уже дошла до тех крайних пределов, когда вопрос о ней может считаться вполне созревшим. И действительно, беллетристика всех стран (надобно сказать правду: почин в этом деле положительно принадлежит беллетристике) сделала вопрос о взаимных отношениях полов до такой степени общедоступным, что нет, кажется, того положения, той подробности, которая не была бы исчерпана до конца, нет той коллизии, того мельчайшего страдания, которое не было бы замечено и не нашло бы себе красноречивого толкования. С своей стороны и наука обратила на этот вопрос внимание и, конечно, не замедлит подвергнуть его философской разработке. Следом за беллетристикой и наукой пробуждается и общественное мнение; устраиваются митинги, конгрессы и т. д. Не потому общественное мнение высказывается позднее, чтобы оно чувствовало себя в этом случае менее заинтересованным, нежели

литература и наука, а потому, что оно уже давным-давно допускало более или менее значительные отклонения от регламентации и в этом послаблении находило для себя возможность примиряться с нею; теперь же оно ставит вопрос прямо и требует такого разрешения, которое устранило бы не только регламентацию, но и отклонения от нее, как противные человеческой совести. Но, по нашему мнению, вопрос этот, даже и в настоящем его положении, ставится довольно односторонне, ибо и литература, и наука, и общественное мнение все внимание свое, по-видимому, исключительно обратили на так называемое порабощение женщины и ее сравнительно меньшую правоспособность. Мы думаем, что как бы ни был удовлетворительно разрешен этот вопрос, это разрешение все-таки не устранил недоразумений, узел которых лежит в стеснениях обоюдных, а отнюдь не в односторонней подчиненности женщины. Развяжите этот узел, и вопрос о сравнительной неправоиспособности женщины уладится сам собою.

Высказанные нами выше мысли невольным образом возникают при чтении повести г. Данкевича «Недоразумение». К сожалению, автор, впервые вступающий на литературное поприще, как кажется, слишком увлекся успехами (впрочем, уже отживающими) так называемой художественной школы и потому недостаточно проникся важностью бывшей у него под руками задачи (недоразумение, источником которого служит регламентация отношений мужчины к женщи-

не). По-видимому, он даже преднамеренно устраняет себя от преследования каких бы то ни было задач, полагая, вероятно, что присутствие этого элемента в беллетристическом произведении может только послужить во вред силе творчества и поэзии. Но он ошибается в этом случае и, конечно, сам сознает эту ошибку в то время, когда, вследствие дальнейшего упорного устранения задач (от чего мы его, однако ж, предостерегаем), увидит, что герои его произведений дойдут наконец до того, что будут действовать с тою же бессознательностью, с какою ходят по столу мухи. Мысль и творчество отнюдь не враждебны друг другу: мысль есть главный и неизбежный фактор всех человеческих действий; творчество же есть воплощение мысли в живых образах или в ясном логическом изложении. Пора наконец убедиться, что тут совсем не может быть речи о какой бы то ни было враждебности.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Недоразумение. Повесть в трех частях Данкевича. С.-Петербург. 1869.

ОЗ, 1869, № 10, отд. «Новые книги», стр. 241–244 (вып. в свет – 15 октября). Без подписи. Авторство установлено на основании анализа текста С. С. Борщевским – *изд. 1933–1941*, т. 8, стр. 513–515.

По традиции, идущей от П. В. Быкова ¹, автором повести «Недоразумение», скрывшимся за псевдонимом Данкевич, считается некий Е. Толстой, о котором, однако, не имеется никаких сведений. По весьма вероятному предположению С. А. Макашина, повесть написана известным в свое время литератором Ф. М. Толстым. В качестве члена Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой «наблюдал» за «Отечественными записками» и одновременно печатал там свои статьи на музыкальные темы. Повесть была предложена для публикации в обновленных «Отечественных записках» именно Ф. Толстым. Рекомендуя повесть Некрасову, Ф. Толстой назвал ее «поэтически-описательной болтовней» «с примесью психического анализа» и видел в ней некий необходимый противовес произведениям Решетникова и Гл. Успенского, которые превращают «Отечественные записки»

¹ «Российская библиография», 1881, № 93 (17), стр. 364

в «вместилище подземных, грязных вод»².

Рецензируемая Салтыковым повесть Данкевича действительно была подчеркнута «очищена» от какой бы то ни было общественной проблематики, все содержание ее ограничено детальной разработкой различных проявлений и оттенков психологии любовного чувства. Действие повести разворачивается в Италии, сюжет ее – сложные отношения двух приятелей – русских, по-видимому, из светской молодежи, и сестер-итальянок. В конце концов выясняется, что герой повести любит не ту из сестер, на которой женится, а приятель любит его жену – в этом и заключается «недоразумение», разрешающееся драматической развязкой.

В переписке Некрасова с Ф. Толстым по поводу «Недоразумения» было названо и имя Салтыкова, которому Некрасов, по-видимому, собирался поручить редактирование «Недоразумения». Салтыков, писал Ф. Толстой Некрасову 7 августа 1868 г., «несмотря на пронизательный его ум и громадный талант публициста, не может безапелляционно резать, кромсать и колыми паче изменять произведение, написанное в чисто художественном духе, без малейшей примеси какой-либо политической или социальной тенденциозности»³. Письмо Ф. Толстого стало, вероятно, известно Салтыкову, так как заключительная часть его рецензии являет-

² К. Чуковский. Ф. М. Толстой и его письма к Некрасову. – *ЛН*, т. 51–52, стр. 584, 586

³ *ЛН*, т. 51–52, стр. 588

ся, в сущности, ответом на эту хвалу «чистой художественности». «Недоразумение» было, естественно, отклонено редакцией «Отечественных записок».

Когда в 1869 г. «Недоразумение» вышло отдельным изданием, Ф. Толстой послал Салтыкову экземпляр с (несохранившимся) сопроводительным письмом. В письме же к А. А. Краевскому от 31 июля 1869 г., отправленном одновременно с письмом к Салтыкову и, по-видимому, сходном по содержанию, он выражал надежду на снисходительное отношение «Отечественных записок» к протезируемому автору⁴. Отзыв журнала оказался, однако, по существу безусловно отрицательным, хотя по форме довольно мягким. (Возможно, по настоянию Ф. Толстого анализирующая, критическая часть рецензии была сокращена.)

Салтыков, руководствуясь просветительски-социалистическими идеями, дает замечательное толкование «недоразумения», послужившего темой повести Данкевича. Вновь, как ранее в «Современных призраках», пишет он о неразумности, «призрачности» «известных форм жизни», об «искусственности общественных отношений», которая и является в конечном счете источником многообразных «недоразумений», в том числе и того, которое изображено в повести Данкевича. Причина этого последнего – с одной стороны, общественная регламентация, ограничение и искажение отношений мужчины и женщины и, с другой, необходимо вытека-

⁴ М. В. Теплинский. «Отечественные записки», Южно-Сахалинск, 1966, стр. 78

ющее из этого ограничения и вместе с тем «противное человеческой совести» уклонение от установленных «регламентов». Регламенты же эти, регулирующие отношения мужчины и женщины, оказываются необходимыми в силу исключительного, гипертрофированного, за счет всех остальных, развития любовной страсти, которая, в глазах общества (и в глазах автора рецензируемой Салтыковым повести), является «страстью по преимуществу». Салтыков, вслед за Фурье, полагает, что «недоразумения» этого рода исчезнут, когда место исключительности займет гармония страстей, «гармоническое развитие всех сил и способностей человека». Поэтому так называемый «женский вопрос», освобождение женщины, не существует для Салтыкова сам по себе, он неотделим от «стеснений обоюдных», то есть вопроса об общественном освобождении.

В заключение Салтыков с исключительной ясностью формулирует один из центральных тезисов своей эстетики – о глубоком единстве «тенденции», «задачи», мысли и истинно-художественного творчества.